

ОБРАЗ, ИДЕИ И МЕТОД САБИНЫ ШПИЛЬРЕЙН*

Валентин Балановский

В статье рассматриваются ключевые идеи и особенности научного метода выдающегося советского психиатра, пионера детского и женского психоанализа С.Н. Шпильрейн. Внимание уделяется как анализу сложившихся в литературе стереотипов восприятия Шпильрейн, так и ее вкладу в мировую психологическую мысль. Раскрываются причины, по которым наследие Шпильрейн не было должным образом востребовано в течение продолжительного времени на Западе и в России, несмотря на популярность психоанализа после Октябрьской революции. Выдвигается гипотеза, почему возник однобокий взгляд на роль Шпильрейн в истории психологии, характеризующийся гипертрофированным вниманием к ее личным взаимоотношениям с К.Г. Юнгом. Показывается, каким образом Шпильрейн повлияла на развитие ключевых понятий аналитической психологии и как Юнг оценивал это влияние, анализируется данное ею эмпирическое обоснование юнгианской теории комплексов. В контексте более поздних открытий аналитической психологии рассматриваются представления Шпильрейн о психогенезе шизофрении, филогенезе и онтогенезе психики, родовой душе, ставшей прообразом коллективного бессознательного, деструкции как проистекающего из родовой души стремления к трансформации, наследуемости психических структур. Особый акцент ставится на способе интерпретации Шпильрейн символических содержаний психики, который тяготеет к Юнгу. Демонстрируется, каким образом Шпильрейн сумела успешно реализовать междисциплинарный подход к изучению психического.

Ключевые слова: С. Шпильрейн, К.Г. Юнг, аналитическая психология, междисциплинарный подход в психологии.

Балтийский федеральный университет имени И. Канта

The article is devoted to the consideration of the key ideas and features of the scientific method of the outstanding Soviet psychiatrist, pioneer of child and female psychoanalysis S.N. Spielrein. The author pays attention to the analysis of the prevailing stereotypes of perception of Spielrein in scientific literature. The reasons why Spielrein's legacy was not properly claimed for a long time in the West and in Russia, despite the popularity of psychoanalysis after the October Revolution, are revealed. The hypothesis of why a one-sided view of Spielrein's role in the history of psychology, characterized by hypertrophied attention to her personal relationship with C. G. Jung, has been put forward. The author shows how Spielrein influenced the development of key concepts of analytical psychology and how Jung assessed this influence, and analyzes her empirical justification of Jung's theory of complexes. In addition, the author considers in the context of the later discoveries of analytical psychology Spielrein's ideas about the psychogenesis of schizophrenia, the phylogenesis and ontogenesis of the psyche, the species-psyche (a notion, which became the prototype of the collective unconscious), destruction as a striving for transformation, the inheritance of psychic structures, arising from the species-psyche. Spielrein's approaches to the study of the psyche are analyzed. Particular emphasis is placed on the way Spielrein interprets the symbolic contents of the psyche, which resembles Jung's approach and contrasts strongly with what was common among orthodox psychoanalysts. It is also shown how Spielrein became one of the first in psychology to successfully implement an interdisciplinary approach to the study of the psyche.

Keywords: S. Spielrein, C.G. Jung, analytical psychology, interdisciplinary approach in psychology.

© Балановский В.В., 2021

<https://doi.org/10.31119/phlog.2021.2.154>

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00217.

Путь женщины в науке всегда был непрост. Тем удивительнее история Сабины Николаевны Шпильрейн, чья жизнь, трагически прерванная нацистами во время оккупации Ростова-на-Дону в Змиевской балке в 1942 г., была полна удивительных примеров преодоления, слома стереотипов, ярких озарений в темноте невзгод. Действительно, какая судьба в Европе начала XX в. могла ожидать девушку с психиатрическим диагнозом из ростовской купеческой еврейской семьи¹? Вряд ли слава блестящего ученого. Однако, несмотря на предвзятость консервативного европейского общества, смену идеологических курсов в Советской России, недуги и житейские тяготы, Шпильрейн стала выдающейся первооткрывательницей, научный вклад которой, пусть и очень постепенно, начинают признавать специалисты во всем мире. Ежегодно выходят книги и статьи, освещающие различные стороны жизни и творчества Сабины Николаевны. Кроме того, несколько лет назад в Варшаве была создана Международная ассоциация изучения наследия Шпильрейн (International Association for Spielrein Studies), которая объединила ученых из Старого и Нового света для ответа на вопрос, что Сабина Николаевна дала и могла бы дать современной психологии. Данная статья тоже посвящена ответу на этот вопрос. Она является продолжением серии публикаций [1; 2], в которых рассматривается вклад Шпильрейн в развитие психоанализа и аналитической психологии.

Образ Сабины Шпильрейн

Начать следует с того, что еще каких-то двадцать лет назад о Сабине Шпильрейн как ярком ученом было мало что известно. Виной тому – сложившаяся исследовательская традиция, склонная видеть в ней в первую очередь женщину с непростой судьбой и запретную любовь К.Г. Юнга и уже потом пионера психоанализа. Эта традиция берет начало с публикации в 1974 г. В. Макгвайром 27-ми писем [51], дезавуирующих роман перспективного цюрихского психотерапевта и его юной ростовской пациентки. Подогрел интерес к теме А. Каротенуто, издавший в 1980 г. монографию «Дневник тайной симметрии. Сабина Шпильрейн между Юнгом и Фрейдом» [9], которая после перевода на английский язык в 1982 г. стала бестселлером. Только после этого стали выходить первые серьезные исследования, посвященные научному пути и идеям Шпильрейн, к которым можно отнести блестящую диссертацию И. Вакенхут и А. Вильке [20], монографии С. Рихебехер [6]. Сегодня также издаются фундаментальные работы, ставящие своей целью всестороннюю оценку вклада Шпильрейн,

---

¹ Надо сказать, что психологическая атмосфера в семье Шпильрейнов была напряженной и не очень способствующей гармоничному развитию детей. Жесткость воспитания сказывалась на всех домочадцах. В больничной карте Сабины Николаевны, заведенной на нее в Бургхельцли, указано, что ее отец был раздражительным, переутомленным, неврастеничным, вспыльчивым до состояния безумия. Мать, как и дочь, страдала истерией, переживала истерические отклонения сознания (абсансы) инфантильной природы. Один брат мучился истерическими припадками плача, другой – страдал от тиков и был крайне вспыльчив. Дед по материнской линии болел старческой деменцией [29, с. 83].

например, труды Дж. Лаунера [16], А.М. Селлс [18] и М.Г. Пластова [17]. Кроме того, активно издаются переводы статей Шпильрейн с комментариями к ним, в частности подготовленные под редакцией П. Купер-Уйат и Ф.Б. Килкорс [13], а также Р.И. Кейп и Р. Барта [50].

Вместе с тем, следует отметить, что, хоть и наметилась тенденция к объективной оценке роли Шпильрейн, все равно значительная часть исследователей продолжает концентрироваться не на ее идеях, а на ее личности, болезни, манере излагать мысли [17], любовной связи с Юнгом и роли во взаимоотношениях последнего с Фрейдом, страданиях ее семьи и детей, ее трагической гибели. В контексте гендерных исследований в большей степени акцентируется простой факт, что Сабина Николаевна была женщиной и женщиной-ученым, которая заложила основы женской психологии [18]. Чтобы лучше всего охарактеризовать суть преобладающей в критической и научно-популярной литературе точки зрения, достаточно привести заголовок и аннотацию опубликованной журналом «Tablet» рецензии на недавно вышедшую монографию Селлс [18], которые гласят: «Изнасилована Карлом Юнгом, затем убита нацистами. Но кража и вымарывание интеллектуального наследия Сабины Шпильрейн психоаналитическим сообществом грозят стать еще более тяжким преступлением» [12]. Наверное, подобный ракурс рассмотрения хорош для художественного творчества эпохи поп-культуры. Действительно, Шпильрейн стала героиней нескольких кинокартин, самая популярная из которых – «Опасный метод», снятая по мотивам научно-популярного труда Д. Керра «Самый опасный метод» [15]. Однако подобное позиционирование может изрядно затруднить восприятие идей Шпильрейн из-за того, что неподготовленный читатель будет больше концентрироваться не на том, что было сказано ею, а на ее личности и жизненном пути.

Судя по всему, во многом такой подход к изучению феномена Шпильрейн обусловлен содержанием и замыслом упомянутой выше монографии Каротенуто. В этом труде, как подчеркивает А. ван Ванинг [3], только пять страниц текста посвящены идеям, изложенным в дошедших до нас 32-х публикациях Сабины Николаевны [10, с. 191–195]. Но нужно понимать, что научные интересы Каротенуто лежали в плоскости исследования феномена переноса и контр-переноса [11] в процессе терапии. Поэтому для него анализ любовной связи Шпильрейн и Юнга был первоочередной задачей, ведь эти отношения стали ярким, задокументированным, приданным огласке и имевшим фатальные последствия примером патологических взаимоотношений психотерапевта и пациентки. Но поскольку Каротенуто был первым, кто после долгого молчания стал писать о Шпильрейн, то он и задал общий тон. Кстати, одним из главных источников вдохновения для разошедшейся на сценарии книги Керра стала как раз «Тайная симметрия...» [15, с. 571].

В свою очередь, почти сорокалетнее забвение Шпильрейн в России и Европе, которое и привело к узконаправленному восприятию ее жизни и творчества, имело веские причины. На Западе оно было обусловлено не только непростыми личными взаимоотношениями Шпильрейн с Юнгом и Фрейдом, который не очень хорошо относился к новаторам и женщинам в психоанализе, но и тем, что в 1923 г. она окончательно вернулась в Рос-

сию, где и осталась до 1942 г., когда ее вместе с дочерьми Ренатой и Евой убили нацисты во время геноцида евреев и армян в Змиевской балке под Ростовом-на-Дону [6, с. 285]. В этот период ей было сложно поддерживать связь со своими европейскими коллегами. Здесь сказались как затрудненное материальное положение, так и изменившаяся со смертью В.И. Ленина политическая ситуация – началась борьба с Л.Д. Троцким и поддерживаемым им психоанализом. Шпильрейн могла бы продолжать напоминать о себе зарубежным коллегам заочно, публикуясь в зарубежных изданиях, однако жизненные обстоятельства сложились таким образом, что последний ее труд вышел в 1931 г. [49].

Что касается невнимания советских и российских исследователей к трудам Шпильрейн, то в этом случае одной из ключевых причин стало идеологическое противостояние психоанализу. Здесь следует оговориться, что для психоаналитиков эта история начиналась очень даже хорошо. Советский Союз достиг прекрасных результатов в развитии и применении идей психоанализа. В первую очередь это касалось изучения детской психики и внедрения новаторских идей в учебно-воспитательный процесс. Это неудивительно – с августа 1921 г. в Москве функционировал созданный профессором И.Д. Ермаковым уникальный детский дом-лаборатория «Международная солидарность», где дети наблюдались и воспитывались с учетом передовых открытий в области психоанализа [46, с. 2–6]. Главная цель состояла в том, чтобы вырастить нового, психически здорового человека без детских душевных травм, способных в будущем привести к заболеваниям. Помимо этого, на базе советского Государственного психоаналитического института, созданного Ермаковым, и специальной психоаналитической поликлиники с детской амбулаторией [6, с. 245] в 1924 г., то есть на три года опередив дочь Фрейда – Анну [14, с. 81], Шпильрейн открывает первый в мире постоянно действующий научный семинар по детскому психоанализу, участие в котором принимали несколько десятков слушателей. Ничего подобного за рубежом на тот момент не существовало, что и послужило причиной большого интереса к советскому опыту со стороны мирового психоаналитического сообщества, выразившегося, в частности, в уделенном Фрейдом вниманию докладу [24, с. IX] В.Ф. Шмидт «О психоаналитическом воспитании в Советской России» [46]. В то время Вера Федоровна заведовала педагогической работой в «Солидарности» [24, с. IX]. Однако уже в 1924 г. обстановка вокруг детского дома-лаборатории начала накаляться. Из-за этого Шпильрейн оказалась вынуждена вернуться в родной Ростов-на-Дону, где было меньше возможностей печататься, заниматься научной и педагогической работой.

В 1930 г. закрывается Российское психоаналитическое общество, а с 1934 г. психоанализ практически оказывается вне закона в Советском Союзе [6, с. 379–380], что тоже мало способствовало распространению и развитию этого течения. К тому же, Шпильрейн была педологом, что известно из заполненной ею анкеты сотрудника Государственного психоаналитического института в 1924 г. [21, с. 424]. Поэтому ее, безусловно, затронуло Постановление ЦК ВКП (б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», даже несмотря на то, что

она с 1935 г. перестала работать в должности педолога. Также не способствовало хорошим отношениям с властью то, что с 1935 по 1938 гг. арестовывают и расстреливают всех троих братьев Шпильрейн – видных советских ученых, один из которых был членом-корреспондентом Академии Наук СССР. Надо ли говорить, что для нее в данной ситуации разумнее всего было оставаться как можно более незаметной? Последним ударом, который окончательно лишил Сабину Николаевну поддержки и возможности заниматься наукой, стало то, что в 1937 г. от сердечного приступа умирает ее супруг П.Н. Шефтель, а в 1938 г. – отец. Таким образом, почти все время после возвращения в советскую Россию, за исключением небольшого периода, Шпильрейн была лишена достойного заработка, поддержки государства, научного сообщества и семьи. Поэтому мало удивительного в том, что возрождение интереса к ее идеям в России произошло только 1990-е гг. Во многом этому способствовали усилия племянника и племянницы Сабины Николаевны – члена-корреспондента РАН Э.Э. Шпильрайна и физиолога, переводчика М.И. Шпильрейн [5, с. 69], а также исследователей из Ростова-на-Дону.

Идеи и метод Сабины Шпильрейн

Путь Шпильрейн в науке начался с сотрудничества с Юнгом. На период их совместной работы приходятся два наиболее фундаментальных из ее опубликованных трудов¹ – статьи «О психологическом содержании одного случая шизофрении (dementia praecox²)» [47] (1911) и «Деструкция как причина становления» [48] (1912). Первая статья была опубликована по материалам диссертационного исследования, к которому, судя по дневниковой записи от 26 ноября 1910 г. [10, с. 35], Шпильрейн относилась довольно прохладно. Для нее это было, скорее, пробой сил и пропуском в мир практикующих психоаналитиков. Вторая статья, изначально называвшаяся «Об инстинкте смерти» [10, с. 35], стала итогом самостоятельной работы, замысел которой Сабина Николаевна вынашивала несколько лет.

Если говорить о том влиянии, которое Шпильрейн оказала на аналитическую психологию, то оно затрагивает самые основы этого течения. В той или иной степени, Сабина Николаевна предвосхитила или развила представления Юнга о природе комплексов и их значении для течения психических расстройств, психогенезе шизофрении, филогенезе и онтогенезе психики, коллективном бессознательном (понятие родовой души), амбивалентности либидо, стремлении психики к деструкции (понятие инстинкта смерти), символизме психических содержаний.

Поскольку Юнг был научным руководителем диссертации Шпильрейн³, то неудивительно, что Сабина Николаевна занималась решением

¹ Между этими статьями было несколько небольших реплик и сообщений, зафиксированных в протоколах Венского психоаналитического общества.

² Термин «преждевременная деменция», или «преждевременный маразм», впоследствии был заменен на термин «шизофрения».

³ Вторым научным руководителем Шпильрейн был О. Блэйлер. Но он в большей степени отвечал не за содержательные, а за организационные вопросы, такие

задач, стоявших перед аналитической психологией, в первую очередь задачи эмпирического обоснования теории комплексов. Значение этой теории настолько велико, что аналитическая психология имела все шансы войти в историю под наименованием «комплексная психология» [19, с. XXVIII]. Например, такое название использовалось еще в 1935 г. [30]. Кроме того, открытый Юнгом в 1948 г. исследовательский центр изначально был Институтом комплексной психологии [42, с. 471] и только потом получил имя своего основателя.

В диссертации, в которой самым цитируемым источником является статья Юнга «О психологии *Dementia praecox*» (1907) [34], где излагаются основы его теории комплексов, Шпильрейн продемонстрировала на конкретном эмпирическом материале, что комплексы – это не какие-то эфемерные теоретические конструкты. Оказалось, что они не только реальны, но при определенных условиях становятся активны и могут замещать собой Я-сознание. На языке шизофренического бреда одной из пациенток Бургхельцли комплексы обозначались словом «предположения» [25, с. 18–19], или «домыслы» (*нем.* «*Vermutungen*» [47, с. 342–343]). Как отмечает Сабина Николаевна, «пациентка так сильно испытывает на себе силу своих комплексов, что одновременно считает их самостоятельными живыми существами» [25, с. 18–19]. При этом страдавшая шизофренией не только ощущала присутствие комплексов-представлений в своей психике, но и понимала, чем чревато такое соседство для ее Я-сознания, а именно – замещением ослабленного сознания более мощными архаичными комплексами. В последнем и состоит суть психогенеза шизофрении, при которой индивид теряет свой стержень и становится игрушкой древних коллективных психических содержаний – «суеверий», как называла их Шпильрейн [25, с. 82].

Таким образом, Шпильрейн установила, что у больных шизофренией (*dementia praecox*) в обостренной форме проявляются не паталогические, а архаические филогенетические структуры психики. Юнг продолжил эту мысль и пришел к выводу, что «психическое не есть нераздельное целое, а представляет собой структуру, составные части которой более или менее отделены друг от друга. Хотя эти отдельные части и связаны одна с другой, они при этом относительно независимы – до такой степени, что некоторые фрагменты психического очень редко или даже никогда не соединяются с эго. Я называю такие “осколки” “автономными комплексами” и основываю свою теорию комплексов на эмпирических доказательствах их существования. Согласно этой теории, эго-комплекс составляет центр нашей индивидуальности. Но комплекс этот является лишь одним из многих» [28, с. 347].

Юнг полагал, что обладателем стержня в виде Я-сознания человек стал не сразу, а в ходе эволюции, так называемого «комплексного срастания» [27, с. 181], о чем он пишет в труде «Архаичный человек». Учтывая то, что каждый организм в своем онтогенезе повторяет стадии филогенеза, можно увидеть, что каждый индивид, если можно так выразиться, в тече-

---

как оформление допуска к больным и разрешения проводить исследования в клинике Бургхельцли.

ние жизни проходит путь своих пращуров от состояния анимиста или шизофреника к состоянию жестко централизованной вокруг Я-сознания личности. Это представление имело любопытные следствия. Одно из них – оригинальная концепция природы образовательного процесса. Юнг формулирует гипотезу, согласно которой обучение человека было бы невозможно, если бы наша психика не была раздробленной и не могла воспринимать в себя чужие содержания [27, с. 180], в данном случае знания, умения, навыки. «Возможность внедрения в человека некоторого психического содержания, прежде в нем не присутствовавшего, допускает не только религиозная точка зрения, но отчасти также и педагогическая. И суггестия, и влияние существуют, а современный бихевиоризм на этот счет имеет даже сумасбродные ожидания. Разумеется, идея комплексного срастания психики выражается в архаичном воззрении в самых разнообразных формах, например в общераспространенной вере в одержимость, в воплощение душ предков, в переселение душ» [27, с. 180]. Определенно в этой мысли что-то есть, поскольку иногда встречаются настолько целостные люди с монолитной душой, которым ровным счетом невозможно ничего объяснить – любое твое содержание, каким бы верным оно ни было, отлетает от этого монолита, как горох от брони.

Что интересно, Шпильрейн в идее Юнга о принципиальной разрозненности психики чуть позже усмотрела параллели с представлениями Э. Маха. Она отмечала, что у обоих мыслителей психика предстает как совокупность разрозненных содержаний, переживаний, поэтому душа мыслится как состоящая из многих отдельных сущностей [26, с. 117]. То есть Шпильрейн старалась придать устойчивость идеям Юнга не только в координатах известной ей психиатрической методологии, но и путем нахождения опоры в философских концепциях.

Открытие наличия в психике архаических структур, наследуемых в ходе эволюции или каким-то другим способом, стало одной из причин, побудивших Шпильрейн и Юнга создать иную теорию бессознательного, чем та, которая имела хождение среди психоаналитиков. Действительно, концепция личного бессознательного, сформированного из вытесненных переживаний каждого конкретного индивида, не позволяет объяснить наличие в нем структур и элементов, которые никак не могут принадлежать этому конкретному индивиду. Например, архаическое содержание бреда пациента может быть связано с какими-то известными мифологическими образами, но не иметь ничего общего с историей жизни больного, с его актуальным и даже гипотетическим психическим опытом. То же самое касается сновидений и продуктов творчества, в том числе продуктов арт-терапии¹, которые могут сильно различаться с тем, что вообще

---

¹ Здесь необходимо отметить, что примерно в те же годы Юнг экспериментировал с арт-терапией, чем-то похожим занимался малоизученный российский психиатр П.И. Карпов. В частности, он известен тем, что наблюдал М.А. Врубеля и это подвигло его на изучение творчества душевно больных. В одном из обзоров Шпильрейн упоминает доклад П.И. Карпова «О рисунках душевнобольных», который тот прочитал на Пятом международном конгрессе по попечению душевнобольных в России (8–13 января 1914 г., Москва), где доказывал, что рисунки по-

переживал или мог переживать человек в течение своей жизни. Поэтому в аннотации к лекции, прочитанной в 1932 г. в Высшей технической школе Цюриха (Цюрихский политехникум, где сейчас хранится архив Юнга), Юнг подчеркивал, что в отличие от Фрейда, у которого бессознательное – это некая производная от сознания функция, для него «бессознательное – это независимая психическая функция, первичная по отношению к сознанию и противоположная ему. Согласно этой точке зрения бессознательное можно разделить на *личное* и *коллективное* бессознательное» [43, с. 515]. А это значит, что содержания коллективного бессознательного могут обладать некоей общезначимостью и тем самым подлежать более-менее объективному исследованию, чего нельзя сказать об индивидуальных причудах, которые вырастают из личной уникальной истории каждого индивидуума.

Для объяснения присутствия коллективных содержаний в психике, в том числе в явном виде у шизофреников (*dementia praecox*), Шпильрейн вводит очень близкое понятию коллективного бессознательного понятие родовой души, или души рода [26, с. 120]. К нему Сабина Николаевна приходит в результате рассуждений о сущности деструкции, точнее, того, что толкает склонную к сохранению своего состояния Я-душу, или Я-сознание, к трансформации, причем в некоторых случаях, граничащей с суицидом. Такой движущей силой, побуждающей к деструкции законченного стабильного состояния, и является родовая душа. Шпильрейн характеризует этот процесс тем, что «родовая душа хочет сделать Я-представление безлично типичным, Я-душа защищается против такого растворения» [26, с. 120]. Конечным итогом этих рассуждений становится представление о том, что индивид наследует не только некие биологические паттерны, но и психические. Шпильрейн пишет об этом так: «Опыт сновидений, а также опыт больных с “*dementia praecox*” учит нас, что наша душа скрывает в своей глубине идеи, не соответствующие более нашей сегодняшней сознательной работе мышления, которые мы не можем понять прямо; однако мы находим эти представления в сознании наших предков, о чем мы можем заключить по мифологическим и другим произведениям духа. Судя по этому, образ мышления нашего бессознательного соответствует сознательному образу мышления наших предков. Вместо того чтобы сказать “унаследованные виды мышления, ведущие к образованию соответствующих представлений”, я говорю – для краткости – об “унаследованных представлениях”» [26, с. 140–141].

Вклад Шпильрейн в развитие понятия коллективного бессознательного и деструкции, а также природы и психогенеза шизофрении более-менее понятен, за исключением того момента, что эти концепты практически исчезают из трудов Сабины Николаевны после разрыва с Юнгом (это еще один важный момент, который до сих пор ускользал от внимания исследователей). Речь идет о формировании нового подхода к пони-

---

зволяют диагностировать то, что не дают другие методы, а также что арт-терапия способствует установлению более сердечных и доверительных отношений между врачом и пациентом. Впоследствии Карпов издал монографию о природе творчества душевнобольных [22].

манию символизма психических содержаний. Работу эту начал Юнг, а Шпильрейн успешно применила его находки.

В статье «О психологическом содержании...» Шпильрейн приходит к выводу о существовании символического соответствия между сновидениями и паталогическими содержаниями психики, с одной стороны, и мифологическими образами и сюжетами, с другой, что впоследствии становится одним из оснований концепции коллективного бессознательного. Причем делает она это самостоятельно, о чем Юнг открыто пишет в своем программном труде, ознаменовавшем разрыв с Фрейдом и начало аналитической психологии. Так, в одном месте он делает следующее замечание: «Я хочу сослаться здесь на интересную корреляцию между мифологическими и паталогическими формами, вскрывшуюся в аналитическом исследовании доктора С. Шпильрейн, и особо подчеркнуть, что она открыла символизм, представленный ей в “Ежегоднике”, посредством независимой экспериментальной работы, без всякой связи с моей работой» [32, с. 503].

Здесь следует сделать небольшое отступление и сказать, что это замечание, а также двадцать упоминаний о Шпильрейн, ее трудах и идеях¹ не позволяют в полной мере согласиться с некоторыми исследователями, полагающими, будто Юнг замалчивал и сильно умалял научный вклад Сабины Николаевны. В частной переписке он тоже отмечал важную роль открытий его ученицы. Например, в письме Фрейду от 12 июня 1911 г. Юнг подчеркивал, что идеи Шпильрейн имеют большое значение для его собственного революционного исследования символизма бессознательных содержаний психики [31, с. 23]. Помимо этого, он высказывался в печати о первенстве Сабины Николаевны в создании концепции инстинкта деструкции или смерти, прямо указывая, что эта мысль возникла сначала именно у нее, а не у основателя психоанализа [37, с. 28].

В своем диссертационном исследовании при анализе содержаний психики Шпильрейн прибегала к расширительному толкованию символов, встречающихся в снах и бреде шизофреников. Например, вместо однозначного утверждения фрейдиста В. Штекеля о том, что родственники в снах символизируют гениталии, она предлагает более общее понятие «сексуальная персона» [25, с. 32]. Такое толкование подразумевает, что родственники во сне могут означать как указание на половые органы, так и на кого-то, к кому есть влечение, или же на желаемую персону, т.е. желаемую версию себя, с которой хочется отождествиться и к которой притягивается либидо сновидящего. Да и в целом статья «О психологическом содержании...» написана таким образом, что заданные Фрейдом узкие рамки толкования символов бессознательного попросту не позволили бы Шпильрейн выйти на глубокие мифологические пласты, залегающие на дне психики ее пациентов.

Фрейд не оценил бы красоту такого хода. Он предпочитал более четкие и однозначные формулировки в толковании сновидений. Как подчеркивает В.В. Зеленский, «Юнг считал, что Фрейд использовал термин

¹ См.: [33, с. 180; 35, с. 211; 36, с. 139–141, 153, 237, 281, 288, 290, 301–302, 328, 353, 376, 409, 412, 437; 37, с. 28; 38, с. 311; 39, с. 490; 40, с. 70].

“символ” семиотически, как знак... Для Юнга же символ служил указанием на нечто неспецифическое или неопределимое, материальное или нематериальное, но то, о чем мы не имеем никакого точного знания, хотя допускаем или предполагаем его существование» [4, с. 25–26].

В том, что Юнг использовал более широкое, отличное от Фрейда, понимание символа, нет никакой загадки. Он очень хорошо осознавал, что вторгается на территорию неявленного, невыразимого, а раз так, то и методы для описания этой области требуются особые. Юнг даже извинялся перед читателями за то, что его язык слишком метафоричен, и подчеркивал при этом, что ни в коем случае не занимается «ни метафизикой, ни теологией» [41, с. VII]. Однако из-за того, что он работал с содержаниями, для которых не существует адекватного выражения в языке, ему приходилось использовать терминологию, выработанную в том числе теологией [41, с. VII]. Необходимость в новых выразительных средствах для описания бессознательных процессов в конечном итоге привела создателя аналитической психологии к русскому символизму, а если быть еще точнее, к творчеству Д.С. Мережковского, на романы которого («Леонардо да Винчи» [36, с. 368] и «Антихрист. Петр и Алексей» [36, с. 376]) Юнг ссылается в ставшей революционной второй части «Трансформаций и символов...». О том, что он был знатоком русского символизма, отмечал в своих воспоминаниях его близкий друг и соратник Э.К. Метнер [45, с. 569–570].

В «Деструкции...» Шпильрейн развивает тенденцию к расширительному толкованию символа. Тут она утверждает, что конкретная форма выражения глубинного психического переживания вообще не важна. Жестким является сюжет, а переменные могут быть какими угодно и наполняться в зависимости от сюжета разными содержаниями. Шпильрейн пишет, что «каждое сознательное содержание мыслей или представлений сопровождается таким же бессознательным содержанием, которое переводит выводы сознательного мышления на своеобразный язык бессознательного» [26, с. 113]. В этом языке царят почти алгебраические законы, где «суть не меняется от того, что мы называем – величину a или b » [26, с. 149]. Таким образом, Шпильрейн стала первым исследователем, который в режиме реального времени поддержал, развил и применил представления Юнга о природе символов бессознательного.

Открытия Шпильрейн, о которых говорилось выше, свидетельствуют не только о ее научном таланте, но также о прекрасной подготовке к исследовательской работе. В этом не последнюю роль сыграла принадлежность Сабины Николаевны к русской ментальной культуре. Хотя высшее образование и первый опыт научной работы она получила в Европе, где первостепенное значение играла установка на всепрепарирующий анализ, ей было присуще характерное для отечественной философской и психологической традиций стремление к тотальному синтезу противоположных точек зрения.

В первую очередь, желание синтеза проявилась у Шпильрейн в желании найти то общее, что могло бы примирить ни много ни мало жизнь и смерть. Ей это вполне удалось в учении о деструкции. Причем настолько, что смерть оказывается поставленной на службу жизни в их

общей направленности на совершенствование мира. Также Шпильрейн смогла связать воедино потребности и цели конкретного индивида и всего человечества, продемонстрировать, что высший смысл есть даже в том, что лично нам может не нравиться или казаться нерациональным. Показательно, что в ее трудах на передний план выходит идея развития. Совершенствование и самосовершенствование становятся фундаментальными принципами психического. В этом она очень похожа на создателя экспериментальной психологии в России Н.Я. Грота, который в своем монодуализме старался синтезировать крайности ради центральной идеи «эволюционного процесса, т.е. поступательного развития души и вселенной» [23, с. 388]. Тут стоит обратить внимание на то, что Шпильрейн не отказывала в возможности развиваться даже тем, кого современная ей медицина считала безнадежными и потерянными для общества людьми. Именно поэтому ей хотелось найти способ вернуть шизофреников в реальность.

Устремленность Шпильрейн к синтезу проявилась также на методологическом уровне. Она была сторонником междисциплинарного подхода, который в то время был не очень популярен в Европе. Особенно негативно к выходу за границы одной парадигмы относился Фрейд. Он очень ревностно относился к чистоте психоанализа и поэтому отчитал Юнга за то, что Шпильрейн в своей статье про деструкцию посмела опереться на философско-биологические труды И.И. Мечникова [51, с. 469]. Фрейд полагал, что его учение самодостаточно и не нуждается в помощи наук о жизни. На это Юнг ответил, что психоанализу точно не повредит взгляд со стороны, хотя и отмечал, что не учил Шпильрейн междисциплинарности и что у нее это нечто «доморощенное» [51, с. 470–471]. В итоге аналитическая психология продолжила этот тренд на привлечение открытий и подходов из совершенно разных сфер, начиная с алхимии и заканчивая квантовой механикой, чем стала выгоднейшим образом отличаться от психоанализа. Более того, она сама превратилась в универсальный инструмент истолкования культурного текста любой этиологии, т.е. продуктов почти всех форм человеческой деятельности.

Кроме того, как отмечает Ф.Р. Филатов, Шпильрейн старалась примирить психоанализ и аналитическую психологию [26, с. 252]. Ее наследие становится одновременно переходным звеном и связующей нитью между этими двумя мощными течениями. Помимо этого, как справедливо подчеркивают Е.А. и В.Г. Ромек, «в диссертации Шпильрейн органично и плодотворно соединились взаимоисключающие... методологические установки – психоаналитическая “презумпция осмысленности” речи душевнобольных Фрейда-Блейлера и феноменологический анализ перживаний пациентов К. Ясперса» [7, с. 217]. Тут нужно оговориться, что сама Шпильрейн не упоминает в диссертации Блейлера как человека, который показывает, что бред душевнобольных имеет смысл, она эту заслугу приписывает Фрейду и Юнгу [25, с. 81], хотя Блейлер и был одним из ее научных руководителей.

Еще одним междисциплинарным новшеством Шпильрейн стало то, что она одна из первых в мире применила «психотерапевтический подход к психотическому расстройству» [7, с. 217]. Проще говоря, если

раньше больные шизофренией (*dementia praecox*) считались пациентами психиатров, причем, по большому счету, безнадежными, поскольку предполагалось, что это – глубокое расстройство, которое имеет органический необратимый характер и не особо подлежит лечению, то психотерапевты кардинально изменили подход к таким случаям. В духе понимающей психологии¹ они первыми стали на равных разговаривать с такими больными, выслушивать и внимательно фиксировать их бред, чтобы наладить с ними коммуникацию на понятном им языке с целью выяснить истинные – зачастую не органические и генетические, а психологические – причины расстройства и помочь им средствами психотерапии, а не фармакологии и иными методами физического воздействия, подобными популярным тогда душу Шарко и электрошоку². Здесь, правда, нужно заметить, что в своей диссертации Шпильрейн не выдвигает никаких гипотез относительно того, насколько психоанализ может быть полезен при терапии психотических больных. Она только лишь продемонстрировала на примере страдающей шизофренией пациентки возможности психоанализа как способа выявления причин, послуживших возникновению заболевания. Таким образом, новый подход был использован ею, скорее, как научный метод по истолкованию и изучению бреда шизофреников, но не как инструмент лечения.

Даже язык текстов Шпильрейн носит отпечаток стремления к соединению противоположностей. Как подчеркивает Филатов, стиль ее трудов близок постмодерну, где смешиваются стили и языки, научные знания соседствуют с мифопоэтическими образами, отсутствует жесткое центрирование вокруг одной идеи, снимаются оппозиции, торжествует ставший характерным для аналитической психологии методологический герметизм [8, с. 256–257]. Кстати, такой способ изложения материала и осуществления терапии, который в штывки принимал Фрейд и его последователи, становится нормой для аналитической психологии. Сегодня особый язык Шпильрейн становится предметом фундаментальных исследований, таких как монография Пластова [17].

---

¹ Как отмечают Ромеки, Фрейд и Юнг с их стремлением привнести психологические методы в психиатрию были не первыми и не единственными. До них и вместе с ними эту идею отстаивали В. Дильтей, Ф. Brentano, К. Штумпф [7, с. 214.]. Кстати, И. Шпильрейн, который впоследствии стал психотехником, учился в Гейдельберге у В. Виндельбанда, и его сестра Сабина Николаевна пыталась поступить в этот же университет в 1909 г. [7, с. 214–215]. Так что идеи Шпильрейн вполне могли получить неокантианскую направленность, чего, впрочем, не случилось.

² Отмечу, что, возможно, действительно первый случай успешного лечения психотического больного с помощью психотерапевтических методов осуществил Юнг. В своей автобиографии он отмечает, что благодаря методу ассоциаций ему удалось вылечить пациентку с диагнозом «*dementia praecox*» и изменить ее диагноз на более благоприятный – «глубокая депрессия». К сожалению, доподлинно об этом случае никто не знает, так как Юнг, по его признанию, действовал самостоятельно, на свой страх и риск [44, с. 121–124], что было недопустимо, поэтому никому не сообщил о своем успехе. Следовательно, проверить правдивость его слов не представляется возможным.

В отношении себя самой на практике Шпильрейн мало того, что удалось снова соединить части своей души, разрозненные из-за психического расстройства, так еще и осуществить в себе самой синтез пациента и психотерапевта¹ – путь, который она прошла первой, показав собственным примером, что талант и упорство творят чудеса.

Литература

Исследования

1. *Балановский В.В.* Вклад С.Н. Шпильрейн в развитие ключевых понятий аналитической психологии К.Г. Юнга // Вопросы психологии. 2020. № 1. С. 84–92.
2. *Балановский В.В.* Роль С.Н. Шпильрейн в формировании теоретического базиса аналитической психологии // Сибирский психологический журнал. 2020. № 75. С. 6–21.
3. *Ван Ванинг А.* Работы одного из пионеров психоанализа – Сабины Шпильрейн // Вопросы психологии. 1995. № 6. С. 66–78.
4. *Зеленский В.В.* Психомифология обыденной жизни // Юнг К.Г. Символы трансформации. М.: АСТ, 2008. С. 5–30.
5. *Овчаренко В.И.* Судьба Сабины Шпильрейн // Психоаналитический вестник. 1992. № 2. С. 64–69.
6. *Рихебехер С.* Сабина Шпильрейн: «почти жестокая любовь к науке». Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.
7. *Ромек Е.А., Ромек В.Г.* Психологическое исследование шизофрении С.Н. Шпильрейн в свете дисциплинарного кризиса психиатрии начала XX века // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 1. С. 210–218.
8. *Филатов Ф.Р.* Учение С.Н. Шпильрейн о деструкции: Теоретические и психобиографические аспекты // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 2. С. 246–259.
9. *Carotenuto A.* Diario di una segreta simmetria. Sabina Spielrein tra Jung e Freud. Roma: Astrolabio, 1980.
10. *Carotenuto A.* A Secret Symmetry: Sabina Spielrein between Jung and Freud. N.Y.: Pantheon Books, 1984.
11. *Carotenuto A.* Kant's Dove: The History of Transference in Psychoanalysis. Wilmette: Chiron, 1989.
12. *Chesler P.* Raped By Carl Jung, Then Murdered by the Nazis // Tablet. 07.11.2017. URL: <http://www.tabletmag.com/jewish-arts-and-culture/books/248785/sabina-spielrein-carl-jung>.

---

¹ Например, более опытному и стойкому психоаналитику О. Гроссу это не удалось – его победили его же демоны. Как еще один пример яркого ученого и психиатра, которого в конечном итоге одолел недуг, можно привести В.Х. Кандинского. Однако тут нужно подчеркнуть, что Кандинский страдал серьезным шизофреническим расстройством. И хоть болезнь его в конечном итоге победила, но «заплатила» при этом высокую цену – Кандинский сумел достаточно подробно на себе изучить симптоматику и течение своего психотического расстройства, что позволило специалистам существенно продвинуться в изучении и лечении подобных патологий.

13. Sabina Spielrein and the Beginnings of Psychoanalysis: Image, Thought, and Language / Eds.: P. Cooper-White, F.B. Kelcourse. N.Y.: Routledge, 2019.
14. *Dyer R.* Her Father's Daughter: The Work of Anna Freud. NY: Jacob Aronson, 1983.
15. *Kerr J.* A Most Dangerous Method: The Story of Jung, Freud, and Sabina Spielrein. N.Y.: Vintage Books, 1994.
16. *Launer J.* Sex Versus Survival: The Life & Ideas of Sabina Spielrein. N.Y.: Overlook Duckworth, 2015.
17. *Plastow M.G.* Sabina Spielrein and the Poetry of Psychoanalysis: Writing and the End of Analysis. N.Y.: Routledge, 2019.
18. *Sells A.M.* Sabina Spielrein The Woman and the Myth. Albany: SUNY Press, 2017.
19. The Cambridge Companion to Jung / Eds.: P. Young-Eisendrath, T. Dawson. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
20. *Wackenhut I., Willke A.* Sabina Spielrein. Mißbrauchüberlebende und Psychoanalytikerin. Eine Studie ihres Lebens unter besonderer Berücksichtigung ihrer Tagebücher und ihres Briefwechsels. Hannover: Hannover University Press, 1994.

Источники

21. Анкета (1924) // Психоаналитические труды Сабины Шпильрейн. Ижевск: ERGO, 2008. С. 422–428.
22. *Карпов П.И.* Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники. М.; Л.: Государственное издательство, 1926.
23. *Соловьев В.С.* Три характеристики // Соловьев В.С. Собрание сочинений. Т. 9 / Ред.: С.М. Соловьев, Э.Л. Радлов. СПб.: Просвещение, 1913. С. 380–397.
24. *Шмидт В.Ф.* Психоаналитические и педагогические труды. Т. 3. Психоаналитическое воспитание. Ижевск: ERGO, 2012.
25. *Шпильрейн С.* О психологическом содержании одного из случаев шизофрении // Психоаналитические труды Сабины Шпильрейн / Ред.: С.Ф. Сироткин, Е.С. Морозова. Ижевск: ERGO, 2008. С. 3–85.
26. *Шпильрейн С.* Деструкция как причина становления // Психоаналитические труды Сабины Шпильрейн / Ред.: С.Ф. Сироткин, Е.С. Морозова. Ижевск: ERGO, 2008. С. 109–154.
27. *Юнг К.Г.* Архаичный человек // Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, Универс, 1996. С. 158–184.
28. *Юнг К.Г.* Психологические основания веры в духов // Структура и динамика психического. М.: Когито-Центр, 2008. С. 341–360.
29. Burghölzli hospital records of Sabina Spielrein // Sabina Spielrein: Forgotten Pioneer of Psychoanalysis / Eds.: C. Covington, B. Wharton. N.Y.: Brunner-Routledge, 2003. P. 82–110.
30. Die Kulturelle Bedeutung der Komplexen Psychologie. Berlin: Julius Springer, 1935.
31. *Jung C.G.* Letters. Vol. 1: 1906–1950 / Eds.: G. Adler, and A. Jaffé. Princeton, Princeton University Press, 1974.
32. *Jung C.G.* Psychology of the Unconscious. N.Y.: Moffat, Yard and Company, 1916.
33. *Jung C.G.* The Content of the Psychoses // Jung C.G. Collected Works. Vol. 1. Princeton: Princeton University Press, 1982. P. 153–194.
34. *Jung C.G.* The Psychology of Dementia Praecox // Jung C.G. Collected Works. Vol. 3. Princeton: Princeton University Press, 1982. P. 1–151.
35. *Jung C.G.* The Theory of Psychoanalysis // Jung C.G. Collected Works. Vol. 4. Princeton: Princeton University Press, 1985. P. 83–228.

36. Jung C.G. Symbols of Transformation // Jung C.G. Collected Works. Vol. 5. Princeton: Princeton University Press, 1976.
37. Jung C.G. On the Psychology of the Unconscious // Jung C.G. Collected Works. Vol. 7. Princeton: Princeton University Press, 1972. P. 1–120.
38. Jung C.G. The Psychological Foundations of Belief in Spirits // Jung C.G. Collected Works. Vol. 8. Princeton: Princeton University Press, 1972. P. 301–318.
39. Jung C.G. Psychological Commentaries on “The Tibetan Book of the Great Liberation” and “The Tibetan Book of the Dead” // Jung C.G. Collected Works. Vol. 11. Princeton: Princeton University Press, 1975. P. 475–526.
40. Jung C.G. The Visions of Zosimos // Jung C.G. Collected Works, Vol. 13. Princeton: Princeton University Press, 1976. P. 57–108.
41. Jung C.G. Mysterium Coniunctionis // Jung C.G. Collected Works. Vol. 14. Princeton: Princeton University Press, 1977.
42. Jung C.G. Address on Occasion of the Founding of the C.G. Jung Institute // Jung C.G. Collected Works. Vol. 18. Princeton: Princeton University Press, 1980. P. 471–476.
43. Jung C.G. The Hypothesis of the Collective Unconscious // Jung C.G. Collected Works. Vol. 18. Princeton: Princeton University Press, 1980. P. 515–516.
44. Jung C.G. Erinnerungen, Träume, Gedanken. Zürich: Walter-Verlag, 1999.
45. Medtner E. Bildnis der Persönlichkeit im Rahmen des gegenseitigen Sich Kennenlernens // Die Kulturelle Bedeutung der Komplexen Psychologie. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1935. S. 556–616.
46. Schmidt W. Psychoanalytische Erziehung in Sowjetrußland. Bericht über das Kinderheim-Laboratorium in Moskau. Leipzig, Wien, Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1924.
47. Spielrein S. Über den psychologischen Inhalt eines Falles von Schizophrenie (Dementia praecox) // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. 1911. III. I Hälfte. S. 329–400.
48. Spielrein S. Die Destruktion als Ursache des Werdens // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. 1912. IV. I Hälfte. S. 465–503.
49. Spielrein S. Kinderzeichnungen bei offenen und geschlossenen Augen // Imago. Zeitschrift für Anwendung der Psychoanalyse auf die Natur- und Geisteswissenschaften. 1931. XVII, Heft 3. S. 359–391.
50. Spielrein S. The Essential Writings of Sabina Spielrein. N.Y.: Routledge, 2019.
51. The Freud / Jung Letters: The Correspondence Between Sigmund Freud and C.G. Jung / Ed. W. McGuire. Princeton: Princeton University Press, 1974.

Balanovskiy, Valentin V. *The image, ideas, and method of Sabina Spielrein*

References

1. Balanovskiy, V.V. (2020), Vklad S.N. Shpilreyn v razvitie klyuchevykh ponyatiy analiticheskoy psikhologii K.G. Yunga [Sabina Spielrein’s contribution to the development of key concepts of analytical psychology of C.G. Jung], in: *Voprosy psikhologii* [Problems of Psychology], no. 1, pp. 84–92.
2. Balanovskiy, V.V. (2020), Rol S.N. Shpilreyn v formirovanii teoreticheskogo bazisa analiticheskoy psikhologii [The role of Sabina Spielrein in the forming of theoretical

- basis of the analytical psychology], in: *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Psychology], no. 75, pp. 6–21.
3. Van Waning, A. (1995), Raboty odnogo iz pionerov psikhoanaliza – Sabiny Shpil'reyn [The works of Sabine Spielrein, one of the pioneers of psychoanalysis], in: *Voprosy psikhologii* [Problems of Psychology], no. 6, pp. 66–78.
  4. Zelenskiy, V.V. (2008), Psikhomifologiya obydennoy zhizni [Psychomythology of everyday life], in: Jung, C.G., *Simvoly transformatsii* [Symbols of Transformation], AST, Moscow, pp. 5–30.
  5. Ovcharenko, V.I. (1992), Sudba Sabiny Shpil'reyn [The fate of Sabina Spielrein], in: *Psikhoanaliticheskiy vestnik* [Bulletin of Psychoanalysis], no. 2, pp. 64–69.
  6. Richebächer, S. (2007), *Sabina Shpil'reyn: "pochti zhestokaya lyubov k nauke"* [Sabina Spielrein: "an almost cruel love of science"], Feniks, Rostov-on-Don.
  7. Romek, E.A., & Romek, V.G. (2016), Psihologicheskoe issledovanie shizofrenii S.N. Shpil'reyn v svete distsiplinarnogo krizisa psikiatrii nachala XX veka [Sabina Spielrein's psychological study of schizophrenia in the light of the disciplinary crisis of early 20th century psychiatry], in: *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Psychology], vol. 13, no. 1, pp. 210–218.
  8. Filatov, F.R. (2016), Uchenie S.N. Shpil'reyn o destruktсии: Teoreticheskie i psikhobiograficheskie aspekty [S.N. Spielrein's doctrine of destruction: theoretical and psycho-biographical aspects], in: *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Psychology], vol. 13, no. 2, pp. 246–259.
  9. Carotenuto, A. (1980), *Diario di una segreta simmetria. Sabina Spielrein tra Jung e Freud* [Diary of a secret symmetry. Sabina Spielrein between Jung and Freud], Astrolabe, Rome.
  10. Carotenuto, A. (1984), *A Secret Symmetry: Sabina Spielrein between Jung and Freud*, Pantheon Books, New York.
  11. Carotenuto, A. (1989), *Kant's Dove: The History of Transference in Psychoanalysis*, Chiron, Wilmette.
  12. Chesler, P. (2017), Raped By Carl Jung, Then Murdered by the Nazis, in: *Tablet*, November, 7, URL: <http://www.tabletmag.com/jewish-arts-and-culture/books/248785/sabina-spielrein-carl-jung>.
  13. Cooper-White, P., & Kelcourse, F.B. (eds.) (2019), *Sabina Spielrein and the Beginnings of Psychoanalysis: Image, Thought, and Language*, Routledge, New York.
  14. Dyer, R. (1983), *Her Father's Daughter: The Work of Anna Freud*, Jacob Aronson, New York.
  15. Kerr, J. (1994), *A Most Dangerous Method: The Story of Jung, Freud, and Sabina Spielrein*, Vintage Books, New York.
  16. Launer, J. (2015), *Sex Versus Survival: The Life & Ideas of Sabina Spielrein*, Overlook Duckworth, New York.
  17. Plastow, M.G. (2019), *Sabina Spielrein and the Poetry of Psychoanalysis: Writing and the End of Analysis*, Routledge, New York.
  18. Sells, A.M. (2017), *Sabina Spielrein: The Woman and the Myth*, SUNY Press, Albany.
  19. Young-Eisendrath, P., Dawson, T. (eds.) (2008), *The Cambridge Companion to Jung*, Cambridge University Press, Cambridge.
  20. Wackenhut, I., & Willke, A. (1994), Sabina Spielrein. Mißbrauchüberlebende und Psychoanalytikerin. Eine Studie ihres Lebens unter besonderer Berücksichtigung ihrer Tagebücher und ihres Briefwechsels, Hannover University Press, Hannover.